

**Композиційні особливості темпоральних відношень у
оповіданні І. Буніна «Антонівські яблука»**

Вікторія ЧЕРЕВЧЕНКО (Умань, Україна)

У статті розглянуто проблему часових відношень у літературно-художньому тексті. Дослідження виконано на матеріалі художньої творчості І. Буніна. Доведено, що текстова темпоральна структура розглядається як системно-мовна категорія, яка реалізується комплексом субкатегоріальних внутрішньо-часових значень функціонально-семантичних макрокатегорій аспектуальності в межах тієї чи тієї системи зовнішнього часу. Розглянуто та проаналізовано особливості макрокатегорій такого типу в комунікативному полі персонажа та в системі його взаємодії з авторською розповіддю, а також в межах всієї текстової системи. Визначено зовнішні та внутрішні перетворення, що виникають у результаті такої взаємодії. «Антонівські яблука» знаменують поворотний момент у творчості І. Буніна, оскільки в них сюжет не був заснований на хронологічній послідовності подій, а на вільній асоціації образів, що більш характерно для поезії. Складність таких коротких оповідань полягає у тому, що вони не мають фабули, ніякого сюжету в класичному розумінні цього слова; оповідач є анонімним і непізнаним. Основа цього оповідання полягає у розвитку дії через послідовність повторюваних у часі сцен, зазначених рефреном: «Я пам'ятаю...», «Згадую...». У «Антонівських яблуках» інструментом відображення минулого стає запах, в першу чергу аромат яблук, що оживлює і ритмізує оповідь. Саме запах стає важливим складником естетизації художнього простору та джерелом темпоральної організації твору.

Ключові слова: художнє мовлення, темпоральна структура, макрокатегорія, текстова система, часові відношення, картина світу, композиція, одоративність, рефрен, естетизація..

**Композиционные особенности темпоральных отношений
в рассказе И. Бунина «Антоновские яблоки»**

Виктория Черевченко (Умань, Украина)

В статье рассматриваются проблемы временных отношений в литературно-художественном тексте. Исследование выполнено на материале художественного творчества И. Бунина. Доказано, что текстовая темпоральная структура рассматривается как системно-языковая категория, которая реализуется комплексом субкатегориальных внутривременных значений

функционально-семантических макрокатегорий аспектуальности в пределах той или иной системы внешнего времени. Рассмотрено и проанализировано особенности формирования макрокатегорий такого типа в коммуникативном поле персонажа и в системе его взаимодействия с авторским повествованием, а также в пределах всей текстовой системы. Определены внешние и внутренние преобразования, возникающие в результате такого взаимодействия. «Антоновские яблоки» знаменуют поворотный момент в творчестве И. Бунина, поскольку в них сюжет не был основан на хронологической последовательности событий, а больше на свободной ассоциации образов, что больше присуще поэзии. Сложность таких коротких рассказов состоит в том, что они не имеют фабулы, никакого сюжета в классическом смысле этого слова; рассказчик является анонимным и неопознанным. Основа этого рассказа заключается в развитии действия через последовательность повторяемых во времени сцен, отмеченных рефреном: «Я помню ...», «Вспоминаю ...». В «Антоновских яблоках» инструментом отображения прошлого становится запах, в первую очередь аромат яблок, что оживляет и ритмизирует повествование. Именно запах становится важной составляющей художественного пространства, источником темпоральной организации произведения.

Ключевые слова: художественная речь, темпоральная структура, макрокатегория, текстовая система, временные отношения, картина мира.

Compositional features of temporal relations in I. Bunin's story «Antonovskie jabloki»

Victoriia Cherevchenko (Uman, Ukraine)

The article deals with the problems of temporary relations in artistic speech. The research is based on the material of I. Bunin's art. It is proved that textual organization is considered to be the system-language category, which is realized by the complex of subcategorical internal temporal meanings of aspectuality functional-semantic macrocategories within the definite system of external time of the corresponding communicative register. Specific features of such type macrocategories formation in the character's communicative field and in the system of its interaction with author's narration as well as within the boundaries of the whole textual system are observed and analyzed. The external and internal transformations which appear as the result of such interaction are defined. "Antonov Apples" marks a turning point in the author's writing as it is here, for the first time, that the plot is not

so much based on the chronological succession of events but on the free association of images, in a manner that was more intrinsic to poetry, of which Bunin was also a fervid reader. The short story is therefore difficult to summarise, as it has no fabula, no plot in the classical sense of the word; the narrator is anonymous and unidentifiable, the background is the village. We could say that the main framework of the short story lies in the development of the memory in a succession of simultaneous scenes, marked by the narrator's voice: "I remember ...", "I recall ...". It should be pointed out that in the context of Bunin's artistic method, as can already be seen in this short story, it is the actual process of remembering and not the result that is important in the creative process; In "Antonov Apples," the tools of reflecting the past are represented by the smells, first and foremost the fragrance of the apples, and it is this that invigorates and gives rhythm to the narration. Bunin was perfectly aware of the importance of smells and perfumes as a tool to stimulate artistic creation;

Key words: artistic speech, temporal structure, macro category, text system, temporal relations, world picture.

Настоящее исследование посвящено проблеме временных отношений в прозаическом жанре (в научной литературе используется также термин «темпоральность»). Данная проблема разрабатывалась М. Бахтиным, В. Виноградовым, Б. Томашевским, Ю. Лотманом. Отдельные аспекты проблемы о последовательном и параллельном влиянии авторского мнения и повествования героя на темпоральную структуру художественного текста нашли отражение в работах М. Бахтина, И. Гальперина.

Вопрос о языковых средствах, методах создания сюжета (сюжетов) и точности фиксации событий (хронологии) помогает в решении проблемы о сюжетности и хронологии как жанровых характеристиках. В литературе XX века преобладает стремление отойти от простого протоколирования событий и придать воспоминанию сюжетность. Она может проявляться в разнообразных лингвистических и стилистических приемах: ассоциативные ряды (об этом, в частности, писал О. Вихрян), введение новых героев (Т. Марахова), временные анахронии (Т. Милевская), образы-концентры (Т. Марченко), многослойность повествования (Ф. Федоров), формирование понятийных блоков (Ф. Федоров; С. Джебраилова) [6, с. 7].

Следует остановиться и на целом ряде явлений, которые представляют собой феномен темпоральности вне жанра. В современных исследованиях к таким явлениям относят дневники, мемуары, письма, исповеди, литературные портреты, некрологи (литературные), вымышленные автобиографии, биографии. Однако в научной литературе пока отсутствует систематизированное описание лексико-грамматических особенностей хронотопа отдельного произведения, что и обуславливает **актуальность** данного исследования.

Цель исследования – выявить и описать жанрово-типологические и индивидуально-авторские представления категории «времени» и лексико-грамматические механизмы их формирования в художественных произведениях И. Бунина.

Цель предполагает решение следующих **задач**: определение специфики темпоральной системы в соотношении с категориями автора и героя, анализ лексико-семантического поля «время» в их текстовом воплощении, описание индивидуально-авторских особенностей воплощения категории «темпоральность» в анализируемых произведениях.

Объект исследования – хронотоп художественного произведения.

Предмет исследования – композиционные особенности временных отношений в произведении И. Бунина «Антоновские яблоки».

История изучения категории времени как элемента поэтики начинается в 20-30-е гг. XX в. в научных работах О. Цейтлина, В. Виноградова, М. Бахтина, Д. Лихачева, идеи которых были развиты в работах М. Гея, А. Гуревича, В. Днипрова, К. Михайловой, Н. Ижевской, З. Кураевой, Ф. Федоровой, В. Чередниченко. Однако при всей многоаспектности взглядов по этой проблеме недостаточно исследованной остается система средств реализации темпоральных признаков как текстовой категории.

Учеными доказано, что материя существует лишь в движении, а движение есть сущность времени, постижение которой во многом детерминировано культурным содержанием эпохи. Так, исторически в

культурном сознании человечества сложилось два представления о времени: циклическом и линейном. Понятие о циклическом времени восходит к античности. Оно воспринималось как последовательность однотипных событий, источником которых были сезонные циклы. Характерными признаками считались завершенность, повторяемость событий, идея возвращения, неразличение начала и конца. С приходом христианства время стало представляться человеческому сознанию в виде прямой линии, вектор движения которой направлен (через отношение к настоящему) от прошлого к будущему.

Линейный тип времени характеризуется одномерностью, непрерывностью, необратимостью, упорядоченностью, его движение воспринимается в виде длительности и последовательности процессов и состояний окружающего мира. Однако наряду с объективным существует и субъективное восприятие времени, как правило, зависимое от ритмичности происходящих событий и от особенностей эмоционального состояния. В связи с этим выделяют объективное время, относящееся к сфере объективно существующего внешнего мира, и перцептуальное – к сфере восприятия реальной действительности отдельным человеком.

В литературном произведении модель потока времени детерминирована точкой зрения автора, которая является основной организующей силой временных отношений в художественном тексте. Литература по сравнению с другими видами искусств наиболее свободно может обращаться с реальным временем. Так, по воле автора возможно смещение временной перспективы: прошлое выступает как настоящее, будущее – как прошедшее и т.д. Таким образом, подчиняясь творческому замыслу художника, хронологическая последовательность событий может обнаруживать себя не только в типичных (универсальных), но и, вступая в противоречие с реальным течением времени, в индивидуально-авторских проявлениях.

В «Антоновских яблоках» И. Бунина текстовой доминантой, отправной точкой и конечным смыслом рассказа является запах. Герой «Антоновских

яблок» «зависает» между своим реальным временем и той далекой порой, которая осталась в памяти запахом антоновских яблок: *«Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести»* (5, с. 168). Его путь по жизни становится дорогой назад – он интуитивно мечтает вернуться в ту кажущуюся ему счастливой пору, когда все вокруг было наполнено ароматом яблок. Всепроницаемость запаха в этом тексте демонстрирует подвластность времени запаху.

Четырехчастная композиция «Антоновских яблок» полна глубокого смысла. По музыкальной наполненности она соотносима с сонатой, также часто состоящей из 4-х частей. *Первая часть* – воспоминание о сборе яблок – вызывает мажорно-торжественное настроение. Запах яблок ассоциируется с радостью, соединяется душистым дымом вишневых сучьев, ароматом меда, осенней свежести, новой соломы и мякины. Рефреном звучат слова *«славно», «хорошо», «бодро»,* сопровождающие разнообразные состояния. Цветовой и звуковой ряд отличаются насыщенностью, интенсивностью: *золотой сад, коралловые рябины, голубоватый дым, бриллиантовое созвездие Стожар, багровое пламя костра.* Картины, возникающие перед взором повествователя, чудесно-сказочны. Тени, отбрасываемые фигурами людей, напоминают великанов. Автор запечатлевает «картинки», призванные подтвердить довольство, крепость, основательность, устойчивость деревенской жизни.

Автор хочет приобщить к постижению этого дивного целого читателя, поэтому часто использует глаголы 2-ого лица единственного числа: *«идешь», «пробежишь», «вскинешь», «встрепенешься»...* Бунин легко переходит от первого лица, которое призвано передать личные наблюдения рассказчика, ко второму, призванному доказать всеобщность переживаемых ощущений. Также обращает на себя внимание контрастность сопоставлений (*праздничная гамма наступившего утра и зловеще-ясный колорит ночи*), выливающаяся в итоге в гармоничность общего звучания, нарушаемого – как предостережение – прерывистым характером звуков: *скрипом телег, стуком падающих яблок* (5, с.

174). Так впервые в рассказе возникает мотив разрыва связи времен. Но и эти слова тонут в великолепии окружающего мира, который воспринимается вечным наряду с космосом, мирозданием.

Настроение *второй части* призвано подтвердить былое довольство и благополучие деревенской жизни. Народ – прибран и доволен, мужицкая жизнь – богатая, постройки – домовитые. Мужичье существование вообще кажется Бунину заманчивым, видит он его в идеализированно-привлекательном виде, через внешние приметы: *чистые замашные рубахи по праздникам, несокрушимые сапоги с подковами, обед у тестя с горячей бараниной на деревянных тарелках, с ситниками, сотовым медом, брагой*. Жизнь барчука в описываемое писателем время еще неотделима от жизни дворовых: *перед охотой он наскоро в людской завтракает горячей картошкой и черным хлебом с крупной солью* (5, с. 175). Но особенно устойчивой и крепкой выглядит усадьба тетки рассказчика Анны Герасимовны – *«небольшая, но вся старая, прочная, окруженная столетними березами и лозинами»* (5, с. 183). В поведении дворовых еще чувствуются отголоски крепостного права.

Но постепенно мелодия печали становится все более ощутимой, усиливается при обращении к жизни природы, на что указывает набирающая силу цветовая – серебристо-синяя – гамма: *перламутровые стекла, лиловатый туман*. Так возникает тема угасания, старения, изживания... Начинают преобладать слова с корнем «стар-». Жизнь на исходе, у последней черты – вот то ощущение, которым должен проникнуться читатель. Тема смерти возникает при упоминании о долголетию стариков и старух Выселок, причем писатель подает ее не одухотворенно, а приземленно-физиологично. Панкрату почти *сто годков*, и он чувствует, что *«зажился»*. Старуха его *«подслеповато смотрит куда-то вдаль из-под грустно приподнятых бровей, трясет головой и точно силится вспомнить что-то»* (5, с. 176). «*Последние могикане*», по определению И. Бунина. Но еще веет из сада «бодрой осенней прохладой», еще на памяти деревенские приметы – *«ядренная антоновка – к веселому году»* (5, с.

176), *«осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик»* (5, с. 172).

Третья же часть символизирует собой последнюю вспышку проявлений жизни перед ее полнейшим исчезновением. Усиливается мотив заброшенности, единичности, невосполнимости прежнего. После былого изобилия – *«в саду найдешь случайно забытое мокрое и холодное яблоко»* (5, с. 181), уже *«нет троек, нет верховых «киргизов», нет гончих и борзых собак, нет дворни»* (5, с. 178). Постепенно угасает и природа, и помещичья жизнь: *«ледяной ветер»* гонит *«хмурые тучи»*, голубой цвет неба – *«жидкий»*, пепельные облака похожи на *«космы»*. Прошлое проступает только с *«пожелтевших»* страниц *«дедовской книги»*.

Как и подробно описанные ощущения охотника, слившегося в погоне за зверем с лошадей. Бунин рисует картину, полную звуков (*фырканье и хрипы лошади, отчаянные вопли преследователей, бурный лай собак*), красок (*ковер черной осыпавшейся листвы*), запахов (*грибная сырость, перегнившие листья, мокрая древесная кора, лошадиный пот, шерсть затравленного зверя*), внутреннего напряжения (*опьяняющая мысль о поимке зверя, глоток ледяной сырости воздуха, попойка после завершения охоты*).

Но вот скрылись из глаз стая и охотники, и сразу охватывает «мертвая тишина», будто попал в «заповедные чертоги» (5, с. 180). А вслед за этим *«безнадежно-тоскливо звенят рога»* (5, с. 181), созывая разбежавшихся собак. В окружающем начинают преобладать серые оттенки, пришедшие на смену осеннему буйству красок, проступает запах плесени. При этом усиливается субъективность восприятия происходящего: автор от эпически спокойного тона воспоминаний переходит к эмоционально окрашенному переживанию: *«яблоко покажется необыкновенно вкусным»* (5, с. 182). Воспоминание о прошлом рождает двойственное чувство: грусть смешивается с памятью о радостных минутах, имевших место когда-то.

И как итог – *четвертая часть* – воспроизводящая наступившее разорение, оскудение, конец былого величия. Ушедшее время отмеривают

краткие фразы: *«Перемерли старики в Выселках, умерла Анна Герасимовна, застрелился Арсений Семенович»* (5, с. 182). Звучат они скорбно, как зауспокойная молитва. Свет как бы меркнет, все заволакивает тьма, деревня напоминает пустыню, по которой гуляет ветер. Но так не хочется прощаться с прошлым, и рассказчик, уговаривая себя, повторяет: *«Но хороша и эта нищенская мелкопоместная жизнь!»* (5, с. 183), *«Хороша и мелкопоместная жизнь»* (5, с. 183). И в доказательство он приводит и запах дыма, которым по-прежнему веет от жилища, и дух зимней свежести, источаемый ворохом соломы, и шум людской, где *«девки рубят капусту»* и поют *«дружные, печально-веселые деревенские песни»* (5, с. 183). Но все же о призрачности новой жизни, о запустении говорит бледный свет осеннего утра, синеватые пасмурные дали, почерневшие листья и убогий, какой-то вымороченный обряд ежедневных дел, отныне определяющих образ жизни мелкопоместного дворянина.

Конец бывшего дворянского царствования отмечен *«грустной безнадежной удалью»*, которая и составляет основное «настроение» обитателей запущенных усадеб: они опять вечерами собираются вместе, поют под гитару, пьют, охотятся. Но все это – не более чем дань прошлой жизни, совершаемой по привычке, потому что борзых нет, и охота уже не та, и пьют на последние день, и хутор затерян в российских полях, и шутки невеселы, и приходится *«прикидываться»* довольным, не замечающим, что происходит на самом деле. Потому и заканчивает писатель повествование о былом великолепии прошлой жизни русской народной песней о замеченной белым снегом пути-дороге.

Так, по Бунину, оказалась затерянной и погубленной судьба русского дворянства. Писатель в *«Антоновских яблоках»* не просто расширил сферу своих наблюдений. Он явно перешел к обобщающим размышлениям. Поэтому судьба конкретной деревни Выселки и конкретных людей может восприниматься как общая судьба всего дворянского сословия да и всей России в целом. И перед тем, как рассказать о последних радостях мелкопоместного дворянства, Бунин делает последнюю остановку в своем повествовании, описывая молотьбу. Казалось бы, опять кипит дружная работа, людей

объединяет единый порыв. Но нет прежней радости в этом совместном действии: его сопровождает *«однообразный крик и свист погонщика»*, через равные промежутки времени хлещущего кнутом ленивого мерина, барабан в риге гудит слишком настойчиво, летящее хоботье накрывает все окружающее облаком пыли, и барин стоит, *«весь посеревиший от него»*. А то, что Бунин подробно описывает, как *«лениво натягивая постромки, упираясь ногами по навозному кругу и качаясь, идут лошади в приводе»*, среди которых выделяется бурый мерин, который *«совсем спит на ходу, благо глаза у него завязаны»* (5, с. 184), наводит на мысль, что столь же механичной, неодоухотворенной, ленивой и обреченной стала жизнь, которую отныне оживляют одни воспоминания да грезы «наяву»: *«Да, живет он отныне только воспоминаниями, будто с закрытыми глазами..»* (5, с. 184). Вывод Бунина однозначен: только в воображении, только в памяти остается время счастливой, беспечной молодости, острых ощущений и переживаний, гармоничного существования в единении с природой, жизнью простых людей, величию космоса.

В данном рассказе оказались сведены воедино философская, эстетическая и историческая концепция писателя. «Мужицкое» и «барское» благополучие прошлого контрастно противопоставлялись одичанию и беспросветности настоящего. Плавно, торжественно-величаво выписывал Бунин уходящие навсегда обычаи: *«удивительный обед: вся насквозь розовая ветчина с горошком, фаршированная курица, индюшка, маринады, красный квас – крепкий и сладкий-пресладкий»* (5, с. 178), праздничную осеннюю ярмарку, ритуалы охотничьих сборов. Вечные старухи и старики Выселок как бы олицетворяли собой непоколебимую прочность дворянского бытия, нарушенного, однако, неумолимым ходом времени. Дыхание прекрасного, некогда наполнявшее старинные дворянские усадьбы, аромат антоновских яблок уступили место запахам гнилости, плесени, запустения.

Таким образом, основными особенностями бунинской прозы является: внимание к конкретике, почти физиологические подробности, точность изображения действительности. Но самое главное заключается в глубине

бунинского восприятия уходящего времени, ностальгии по исчезающим, почти не осязаемым уже приметам быта. Так презрение к вырождающейся современности и исчезновение того прошлого, к которому обращены все помыслы художника, приводило к появлению в творчестве писателя «вневременных ценностей». Бунину удавалось под обыденным течением жизни в прошлом показать истинно прекрасное и неуничтожимое временем.

БИБЛИОГРАФІЯ

1. Аверин Б. В. От сюжета к замыслу // Б. В. Аверин / И. А. Бунин: pro et contra. – СПб., 2001. С. 498-516.
2. Аскарова А. Х. Семантические процессы в рамках лексико-семантического макрополя ВРЕМЯ // А. Х. Аскарова / Автореф. дисс. канд. фил.наук. – Саратов, 1992. – 18 с.
3. Бахтин М. Форма времени и хронотопа в романе // М. Бахтин / Вопросы литературы и эстетики. – М.: Просвещение, 1975. – 324 с.
4. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко. – Л.: Художественная литература, 1990. – 386 с.
5. Бунин И. А. Избранные сочинения / И. А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1984. – 750 с.
6. Вихрян О. Е. Художественное слово И. Бунина // О. Е. Вихрян / Русская речь. 1987. №4. – С. 104-107.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Просвещение, 1981. – 264 с.
8. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы // Д. С. Лихачев / Смех как мировоззрение и другие работы. – СПб, 1999. – С. 178-234.

АНКЕТА УЧАСНИКА

Прізвище, ім'я, по батькові: Черевченко Вікторія Валентинівна

Установа: Уманський державний педагогічний університет імені Павла Тичини

Науковий ступінь, вчене звання, посада: кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри слов'янських мов та зарубіжної літератури

Службова адреса м. Умань, вул. Садова 28

Домашня адреса м. Умань, вул. Незалежності 86, кв. 11

Контактний телефон д.т. 8(04744)2-36-20; моб.т. 8-097-357-16-54

Назва доповіді/статті Композиционные особенности темпоральных отношений в рассказе И. Бунина «Антоновские яблоки»

Коло наукових інтересів Лінгвістичний аналіз тексту, перекладознавство, етнолінгвістика.